

М.М. РУСАКОВА, А.А. ЯКОВЛЕВА

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОСТИТУЦИИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ОРЕНБУРГА)

Аннотация: В статье представлены результаты исследования среди проституток в двух российских городах — Санкт-Петербурге и Оренбурге. Рассмотрена специфика социально-демографических характеристик представительниц этой группы, паттернов их сексуального и аддиктивного поведения, а также мнений об актуальных для них видах медико-социальных услуг. Проиллюстрировано положение о существенных региональных отличиях как характеристик женщин, вовлеченных в проституцию в двух изученных городах, так и особенностей организации сексуальной индустрии. Обоснована необходимость учитывать региональную специфику при планировании и реализации программ помощи и профилактики для этой целевой группы.

Ключевые слова: Проституция, девиантное поведение, аддиктивное поведение, наркотизм, социальный контроль

Проституция как социальное явление

Проституция на протяжении нескольких веков вызывает большой интерес исследователей. Большой вклад в попытку объяснения данного социального феномена внесли врачи, юристы, психологи, историки, криминологи, социологи.

Термин «проституция» происходит от латинского “prostatuere” (выставлять вперед, публично, на продажу; осквернение, обесчещение) и вошел в употребление во второй половине XVIII в. В более ранние времена для представительниц этой социальной группы использовались такие названия, как авлетрида, конкубина, куртизанка и прочие.

С точки зрения представителей современной российской социологии, проституция является одним из видов девиантного поведения и определяется как «вступление за плату в случайные внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении»¹ или как «оказание сексуальных услуг за вознаграждение»². Близкое

¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / под ред. Я.И. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2000. С. 59.

² Дьяченко А.П., Синельникова Н.А., Шлык С.В. Эксплуатация проституции в России. М., 1999. С. 5.

по содержанию определение дают А.В. Меренкова и М.Н. Никитина³: «Проституция выступает как особая форма отношений между субъектом сексуальных потребностей и тем, кто может ее удовлетворить за соответствующую плату». Согласно С.И. Голоду⁴, проституция — это «форма внебрачных сексуальных отношений, которые не основываются на личной склонности или чувстве влечения», при этом, хотя для одной из сторон важным стимулом является заработок, определяющим фактором является именно мера духовно-эмоциональной вовлеченности в сексуальные отношения.

Значительное число исследований проституции посвящено описанию характеристик этого явления в отдельных странах мира или регионах в различные исторические эпохи — начиная с древних времен и Античности и заканчивая современностью. В первую очередь, такие феноменологические исследования актуальны с научной точки зрения — для понимания особенностей формирования и функционирования данного социального явления в различных культурно-исторических условиях. Однако они имеют также и практическое значение — для понимания возможностей социального контроля проституции.

Для планирования и реализации программ профилактики вовлечения в проституцию, медико-социальной помощи тем, кто уже вовлечен, а также сопровождения при выходе из нее необходимы актуальные данные о специфике ситуации в сексуальной индустрии в том или ином регионе. Это позволит сделать предпринимаемые меры своевременными и эффективными. Важно знать не только специфический социально-демографический состав и особенности поведения проституток, но и состав их ближайшего социального окружения и характер взаимоотношений с этим окружением, уровень организованности и особенности организации сексуального бизнеса. Необходимым также является и оценка доступности для проституток различных медико-социальных услуг, существующих в регионе и актуальных для представительниц данной группы.

³ Меренков А.В., Никитина М.Н. Социальный портрет современной проститутки // Социологические исследования. №5. 2000. С. 47–51.

⁴ Голод С.И. Социально-психологические проблемы проституции (Выступление на Всесоюзном семинаре «Задачи и пути совершенствования антиалкогольной и антинаркотической пропаганды» 20 ноября 1987 года). №8(38). М.: Знание, 1989. С. 4.

Исследования проституции и социальный контроль

Актуальным аспектом борьбы с распространением проституции путем реализации соответствующих исследований и профилактических программ является система социального контроля проституции, существующая в обществе. Исторически сложились три базовые «идеальные» модели социального контроля проституции: аболиционизм или легализация, регламентация, криминализация или прогибиционизм.

Политика аболиционизма исходит из положения, что занятие проституцией есть индивидуальный, личный выбор человека, и государство не имеет права препятствовать ему или контролировать его через свои институты. Как и политика криминализации клиентов, аболиционизм сегодня является практическим достижением феминистского движения. Политика аболиционизма в сфере проституции реализуется в Великобритании, Нидерландах, Новой Зеландии.

Однако осуществление политики аболиционизма в сфере контроля проституции показывает, что она, по сути, не только не достигает декларируемых целей (снижение насилия и произвола в отношении лиц, вовлеченных в проституцию, повышение их социальной и правовой защищенности и т. д.), но и в значительной мере усугубляет ситуацию в сфере коммерческого сексуального поведения, ибо изначально «нормализует» как проституцию, так и потребление сексуальных услуг. В контексте же функционирования мирового сообщества реализация политики аболиционизма способствует обострению проблемы трэффика женщин и детей с целью сексуальной эксплуатации.

Политика регламентации содержит в качестве своего основного компонента правовое регулирование проституции. Основная идея, из которой исходит политика регламентации, состоит в том, что проституция является исконно данным и неистребимым явлением социальной жизни, однако она должна находиться в приемлемых для социума рамках. Для регламентационной политики главной целью является не ликвидация проституции, а скорее контроль сопровождающих ее «рисков», к которым можно отнести инфекции, передаваемые половым путем, употребление алкоголя и наркотиков, криминальное поведение, насилие и произвол со стороны сутенеров и организаторов проституции и т. д. Таким образом, государство признает существование проституции и морально санкционирует участие в ней членов общества в различных ролях (проститутка, клиент, организатор), однако в юридически установленных формах. Практическим

результатом проведения политики регламентации являются организация и государственное поддержание «легальных» форм проституции через специализированные социальные институты, что имеет следствием ее нормализацию. Классическим примером политики регламентации стала система врачебно-полицейского надзора проституции, существовавшая в XIX–XX вв. в ряде стран Европы, включая Россию.

Система регламентации дает широкую базу для массовых исследований проституции. Например, в России в период существования системы врачебно-полицейского надзора было проведено несколько массовых исследований среди проституток⁵. Существенный вклад в изучение проституции в то время был сделан врачами-дерматовенерологами в рамках решения задачи сдерживания эпидемии сифилиса⁶. В 1889 г. было проведено общероссийское исследование проституции⁷, а в 1891–1893 гг. — исследование проституции в Санкт-Петербурге⁸. До настоящего времени результаты этих исследований дают уникальный эмпирический материал для вторичного и сравнительного анализа.

При современном уровне развития общественного самосознания, на фоне практического осуществления концепции прав человека во многих странах реализация данной модели вызывает определенные трудности, поскольку лица, вовлеченные в продажу сексуальных услуг, официально «этикетизируются» в обмен на признание обществом

⁵ Бентовин Б.И. Торгующие телом. Очерки современной проституции, 2-е изд., СПб., 1909; Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление; Кузнецов М. Проституция и сифилис в России: историко-статистическое исследование. СПб., 1871; Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга, по данным врачебно-полицейского комитета и Калинкинской больницы. СПб., 1896; Федоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в Петербурге. СПб., 1897.

⁶ Кузнецов М. Проституция и сифилис в России: историко-статистическое исследование; Сабинин А.Х. Проституция. Историко-профилактический этюд. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1906; Сабинин А.Х. Проституция. Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции. Историко-профилактический этюд. СПб., 1905; Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. СПб.: Изд. Риккера, 1988; Шперк Э. О мерах к прекращению сифилиса у проституток // Архив судебной медицины и общественной гигиены. СПб., 1869. Кн. 3. Сентябрь. Отд. III.

⁷ Статистика Российской империи. Том XIII. Проституция в Российской империи по обследованию на 1 августа 1889 года. СПб., 1890.

⁸ Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга, по данным врачебно-полицейского комитета и Калинкинской больницы.

проституции допустимым социальным явлением как группа, имеющая ограниченные гражданские права. Кроме того, оценка успешности использования данной модели в историческом контексте наглядно показывает тенденцию государственных учреждений контроля к бюрократизации, коррупции и т. п., что значительно снижает возможности их влияния на ситуацию в сфере предоставления коммерческих сексуальных услуг.

Политика прогибиционизма имеет в своей основе криминализацию (или деливиризацию — в случае административного регулирования), причем как лиц, вовлеченных в продажу сексуальных услуг, так и их потребителей. Соответственно, основными механизмами контроля здесь выступает правовое (уголовное или административное) преследование лиц, занимающихся проституцией и/или потребителей сексуальных услуг. В любом случае, для реализации прогибиционистской политики контроля на практике требуется сильный достаточно эффективный правоохранительный аппарат.

Исторически первой моделью прогибиционистской политики является ее направленность на лиц, вовлеченных в продажу сексуальных услуг. Эта модель основывается на «общественном соглашении» о том, что проституция нравственно недопустима и нарушает «коллективную совесть» общества. Контроль столь аморального поведения может быть эффективнее всего, если он будет основан на юридических санкциях, пресекающих данное поведение. Практически все страны в своей истории прошли подобный этап контроля проституции.

Критика данной модели основана на ее моральной произвольности. В литературе отмечается недифференцированное понимание проблемы проституции и ее последствий, в том числе стигматизации. Прогибиционистская политика контроля, исходящая из описанной модели, приводит к преследованию женщин, вовлеченных в проституцию, что нарушает их гражданские права, а также к порождению «моральной паники» в обществе. И главное, подобная политика не приводит к искоренению негативного социального явления, а лишь повышает его латентность.

Классическим примером прогибиционистской модели является система контроля проституции в советский период. После масштабных политических сдвигов, произошедших в России в начале XX в., исследования, выполненные в 1920-х гг., носили уже ограниченный по охвату целевой группы характер. Это было вызвано прежде всего утратой широкой статистической базы поднадзорной проституции,

а также жесткими идеологическими ограничениями и узкоприкладной направленностью таких работ на борьбу с проституцией как «социальным злом»⁹.

Реализация репрессивной социальной политики, начавшаяся в России в 1930-х гг., «ликвидировав» социальные девиации, привела к почти сорокалетнему перерыву в исследованиях проституции. Возвращение к данной проблематике намечилось в отечественной науке только в конце 1960-х гг.¹⁰ Понятно, что исследования этого периода характеризовались определенной фрагментарностью («исследования поведения некоторого числа женщин, ведущих аморальный образ жизни»), и имели узко прикладную юридическую или медицинскую направленность.

По мере изменения отношения власти и общества к девиантному поведению с конца 1970-х гг., происходит очередное нарастание интереса исследователей к изучению феномена проституции. По сути, первое масштабное социологическое исследование среди проституток в советский период было проведено в 1980-х гг. в Грузии¹¹. В 1990-х гг. появляются публикации, посвященные социологическому осмыслению и вторичному анализу результатов эмпирических исследований проституции, выполненных на рубеже XIX–XX вв.¹²,

⁹ Броннер В.М., Елистратов Д.И. Проституция в России. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927; Левин Д.М. К вопросу о борьбе с социально-паразитическим элементом // Административный вестник. №12. 1925; Левин Д.М. Борьба с проституцией // Административный вестник. №1–3, 1926; Фридланд Л. С разных сторон: Проституция в СССР. Берлин, 1931.

¹⁰ Горяинов К.К., Коровин А.А., Побегайло Э.Ф. Борьба с антиобщественным поведением женщин, ведущих аморальный образ жизни. М.: ВНИИ МВД СССР, 1976.

¹¹ Габияни А.А., Мануильский М.А. Цена «любви» (обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. № 6. 1987. С. 61–68.

¹² Афанасьев В. Социальный контроль за проституцией в России (теория, история, современное состояние) // Социальный контроль над девиантностью / под ред. Я.И. Гилинского. СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, Балтийский Институт экологии, политики и права, 1998. С. 144–166; Быкова А.Г. Проституция в городах Западной Сибири (1880-е — 1917 гг.) // Социологические исследования. №5. 2000. С. 59–65; Гилинский Я.И. Проституция как она есть // Проституция и преступность. М., 1991; Голод С.И. Проституция в контексте изменения половой морали // Социологические исследования. №2. 1988. С. 65–70; Голод С.И. Социально-психологические проблемы проституции (выступление на Всесоюзном семинаре «Задачи и пути совершенствования антиалкогольной и антинаркотической пропаганды» 20 ноября 1987 г.), №8(38). М.: Знание, 1989; Голосенко И.А. Российская социология проституции. 1861–1917. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН, 1997; Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современ-

исследования социально-правовых аспектов отклоняющегося сексуального поведения¹³, а также немногочисленные исследования регионального уровня¹⁴.

Прогибиционистский подход в отношении потребителей сексуальных услуг в последние годы получил развитие в Швеции; широкая дискуссия по этому поводу ведется и в других скандинавских странах (Дания, Норвегия). По сути, он представляет собой попытку совместить в одной модели контроля проституции «плюсы» аболиционизма (соблюдение прав женщин на свободный выбор проявления собственной сексуальной активности) и правовую борьбу с проституцией через преследование ее потребителей. О долгосрочных результатах применения данной модели контроля говорить пока рано, однако уже сейчас понятно, что она способствует росту проституции в близлежащих странах и развитию глобализованных форм сексуальной индустрии, в частности, сексуального туризма.

В последние годы значительный объем исследований проституции в России проводится в рамках проблематики межгосударственного перемещения женщин с их последующим вовлечением в секс-индустрию (трэффик)¹⁵, а также в рамках предотвращения эпидемии ВИЧ-инфекции в стране¹⁶. Сугубо прикладной характер современных исследований проституции ограничивает возможности для глубокого

ное состояние вопроса). СПб: ТОО ТК Петрополис, СПб ИСРАН, 1998; *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994; *Меликсетян А.С.* Проституция в 20-е годы // Социологические исследования. №3. 1989. С. 71–74.

¹³ *Дьяченко А.П., Синельникова Н.А., Шлык С.В.* Эксплуатация проституции в России. М., 1999; *Игнатьев А.Н.* Проблемы правовой борьбы с проституцией // Проституция и преступность. М., 1991. С. 139–148; *Карпунин Ю.Г., Торбин Ю.Г.* Проституция: закон и реальность // Социологические исследования, №5, 1992. С. 111–117.

¹⁴ *Курманова Г.У., Башмакова Л.Н., Бутенко Е.Н.* Работники коммерческого секса // Социологические исследования. №5. 2000. С. 51–59; *Меренков А.В., Никитина М.Н.* Социальный портрет современной проститутки // Социологические исследования. №5. 2000. С. 47–51.

¹⁵ *Ерохина Л.Д., Бурак М.Ю.* Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М.: ООО Профобразование, 2003; *Гурвич И.Н., Русакова М.М., Яковлева А.А.* Глобализация индустрии сексуальных услуг // Глобализация и девиантность. СПб.: Издательство Р. Асланова Юридический центр Пресс. С. 204–256; *Яковлева А.А.* Глобализация сексуального насилия: от проституции к транснациональной сексуальной индустрии // Гендерные исследования. №7–8. Харьковский центр гендерных исследований. С. 226–245.

¹⁶ Дозорный надзор за ВИЧ-инфекцией в группах лиц с рискованным поведением в Республики Азербайджан, Республике Молдова и Российской Федерации /

анализа состояния проблемы, ощущается недостаток социокультурных феноменологических исследований в данной сфере. Специалисты отмечают, что отсутствие таких исследований ограничивает и возможности интерпретации данных прикладных работ.

Проституция в современной России

В современной России существуют разнообразные формы проституции. Несомненно, наиболее развита сексуальная индустрия в столичных городах и региональных центрах. Актуальными являются проституция «по вызову», уличная и салонная проституция. На большинстве крупных автомобильных трасс страны процветает дорожная проституция. Существенное развитие получил и так называемый околосексуальный бизнес — стриптиз, секс по телефону или в сети Интернет, порнография.

Исследования современной российской проституции показывают существенные отличия этого социального явления в разных российских городах. Например, особенной является ситуация с проституцией в Москве. Помимо многочисленных интим-салонов, существует обширная сеть уличной проституции, сформировавшаяся на фоне активных миграционных процессов из регионов России и стран СНГ (Украины, Молдовы, стран Центральной и Средней Азии). Уличная проституция является организованной, криминализованной и доходной частью сексуального бизнеса столицы. Высокая конкуренция и строгий контроль со стороны организаторов бизнеса («мамочек») способствуют низкой распространенности употребления наркотиков, особенно «тяжелых», среди уличных проституток. Однако уровень ежедневной алкоголизации достигает почти 80%¹⁷. Быстрая сменяемость контингента проституток на улицах Москвы и существенная доля мигрантов в этой группе (до 90%)¹⁸ определяет специфику работу с этой группой.

В то же время в центральных городах российских регионов спецификой проституции является высокая доля приезжих из близлежащих

Т.Т. Смольская (и др.) // Отчет по проекту ВОЗ. Копенгаген: Всемирная Организация Здравоохранения, Европейское региональное бюро, 2004.

¹⁷ Смольская Т.Т. и др. Дозорный надзор за ВИЧ-инфекцией в группах лиц с рискованным поведением в Республике Азербайджан, Республике Молдова и Российской Федерации. С. 36.

¹⁸ Там же.

малых городов и сельской местности. Так, например, в Екатеринбурге доля приезжих среди проституток — более 75%¹⁹, а в Иркутске доля проституток, не имеющих постоянной регистрации в городе, достигает 26,8%²⁰. Как правило, распространение имеет как употребление алкоголя, так и наркотиков²¹. Относительно низкий уровень образования, отсутствие постоянных условий проживания в городе, а также частая необходимость содержать иждивенцев (родителей, детей) определяет особенности социального контроля проституции в таких регионах.

Базовая информация об исследовании

В 2007–2008 гг. под руководством одного из авторов²² было проведено репрезентативное исследование проституток в двух российских городах²³ — Санкт-Петербурге ($n=665$) и Оренбурге ($n=231$). Целью исследования являлось выявление причин и последствий современной женской проституции в России. Проверялись основные существующие в науке гипотезы о факторах, способствующих и препятствующих вовлечению в проституцию — биологическая предрасположенность, семейное воспитание, насилие в детстве, социально-экономические сложности, личностно-психологические особенности и т. д. Изучался образ жизни женщин, вовлеченных в проституцию, их «карьера» в этой сфере и попытки выхода из сексуальной индустрии. Исследование, в частности, позволило собрать и проанализировать существенный материал о характеристиках проституток и организации проституции.

Города, охваченные исследованием, существенно отличаются между собой по географическому и социально-экономическому положению.

Санкт-Петербург расположен в Северо-Западном регионе России, в дельте реки Невы на берегу Финского залива Балтийского моря

¹⁹ Там же. С. 41.

²⁰ Поведенческое мониторинговое исследование: Россия 2005 / В. Тун (и др.) // Арлингтон: Family Health International, 2007. С. 80.

²¹ Смольская Т.Т. и др. Дозорный надзор за ВИЧ-инфекцией в группах лиц с рискованным поведением в Республике Азербайджан, Республике Молдова и Российской Федерации; Поведенческое мониторинговое исследование: Россия 2005 / В. Тун (и др.).

²² Методология исследования была разработана к.с.н. М.М. Русаковой и д.пс.н., проф. И.Н. Гурвичем.

²³ Сбор данных проводится специалистами РОО «Стеллит» (в Санкт-Петербурге) и Центра социально-политических исследований «Индикатор» (в Оренбурге).

и занимает вместе с подчиненными административно-территориальными образованиями площадь в 1439 квадратных километров. Географическое положение Санкт-Петербурга определяет его стратегическое значение для России. Санкт-Петербург находится в центре пересечения морских и речных транспортных путей, наземных магистралей, являясь наиболее географически приближенным к странам Европейского Сообщества крупным российским городом. Расстояние от Санкт-Петербурга до главных европейских столиц составляет 1–2 тысячи километров, воздушный перелет до них занимает 2–3 часа.

Оренбург — административный центр Оренбургской области. Город расположен в регионе Южного Урала, примерно в 100 км от границы России с Казахстаном, и делится на две части рекой Урал, по которой проходит географическая граница Европы и Азии. Таким образом, одна часть города находится в Европе, а другая — в Азии. Город является точкой пересечения различных торговых и транспортных путей, соединяющих Центральную Россию и страны Средней Азии, а также Поволжский регион России с территориями Сибири. Площадь города составляет около 1300 кв. км.

Понятно, что как в Санкт-Петербурге, так и в Оренбурге существуют объективные факторы формирования спроса на услуги проституции. Однако сама проституция как социальное явление, а также проститутки как социальная группа в этих двух городах существенно различаются.

Социально-демографические характеристики проституток

В суммарную выборку попали женщины, занятые преимущественно в уличной проституции (64,7%)²⁴. Наибольшая доля проституток, работающих на улице, представлена в выборке Санкт-Петербурга (69,0%; $p \leq 0,001$) наряду с проституцией на выезде (30,5%; $p \leq 0,05$) и в массажном салоне (18,8%; $p \leq 0,001$). В Оренбурге наибольшую долю в выборке составили женщины, вовлеченные в гостиничную проституцию (45,0%; $p \leq 0,001$) и проституцию в банях или саунах (35,9%; $p \leq 0,001$), а также на выезде (23,4%; $p \leq 0,05$).

Для современной проституции характерна относительно стабильная занятость, и смена формы продажи сексуальных услуг распро-

²⁴ Если не указано иное, представлен процент для суммарной выборки и статистические отличия данных по регионам не выявлены.

странена незначительно. Однако здесь были выявлены существенные региональные отличия, показывающие более высокий уровень профессиональной мобильности оренбургских проституток по сравнению с петербургскими. ($p \leq 0,001$). Так, меняли место предоставления сексуальных услуг за период занятости в проституции каждая пятая женщина в оренбургской выборке (22,1%), и только каждая десятая — в петербургской выборке (10,5%). В целом, большая степень мобильности является общей характеристикой проституции в крупных российских областных центрах, где особое распространение имеют ее неуличные формы.

По базовым социально-демографическим характеристикам группы проституток в Санкт-Петербурге и Оренбурге несколько отличаются друг от друга. Типичные представители контингента проституток Оренбурга принадлежат к значительно более молодой возрастной подгруппе (25–29 лет) в сравнении с петербургской выборкой (в среднем 30–34 года, $p \leq 0,001$). Хотя основная доля проституток (более 70% суммарной выборки) являются уроженками Российской Федерации и с рождения проживают в городах, где проводилось исследование, в Оренбурге значительно больше доля мигрантов (37,7% против 22,0% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), что соответствует данным по другим областным центрам России.

Каждая вторая проститутка в Санкт-Петербурге и каждая третья в Оренбурге (52,0% и 32,0% соответственно; $p \leq 0,001$) имеют законченное профессиональное образование. В большинстве случаев женщины окончили профессионально-техническое училище (46,4%) или техникум (в целом по обеим выборкам 43,1%; в Санкт-Петербурге 45,4%, в Оренбурге 32,4%; $p \leq 0,05$). Каждая десятая проститутка (13,1%) имела законченное высшее образование. Приведенные данные не подтверждают широко распространенное мнение о невозможности трудоустройства женщин вне сексуальной индустрии.

Значительная часть проституток, вне зависимости от места проведения исследования, не замужем — находятся в разводе (17,0%) или, что наиболее типично, никогда не состояли в зарегистрированном браке (69,5%). Об официально зарегистрированном замужестве сообщила каждая десятая женщина (9,6%), причем в большинстве случаев в петербургской выборке (11,1% против 5,2% в оренбургской выборке; $p \leq 0,01$). Лишь каждая третья обследованная проститутка в суммарной выборке (37,5%) сообщила о наличии в настоящее время актуального постоянного партнера, т. е. человека, с которым в течение последних

шести месяцев сохраняются устойчивые сексуальные отношения и, хотя бы частично, — общий бюджет. С точки зрения социального контроля эта информация имеет большое значение: наличие партнера и характер взаимоотношений с ним может способствовать или препятствовать вовлечению женщин в программы помощи и поддержки для проституток.

Уровень криминализации проституток существенно выше в Санкт-Петербурге, где опыт отбывания наказания в местах лишения свободы имели 14,4% (против 0,4% в Оренбурге; $p \leq 0,001$). Кроме того, в Санкт-Петербурге около 40% проституток с криминальным опытом имели более одной судимости (в отличие от Оренбурга, где таких не было вообще). В подавляющем большинстве случаев судимости в обследованной группе имелись по ст. 228 («Незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств и психотропных веществ»), реже — по ст. 158 («Кража»). Очевидно, что высокий уровень криминализации проституток в Санкт-Петербурге напрямую связан с уровнем инъекционного употребления наркотиков, который будет рассмотрен далее.

Характеристики организации проституции

Стаж в проституции для большинства опрошенных женщин почти равномерно распределяется в пределах от 1 года до 10 лет. Так, каждая третья проститутка имеет стаж от 1 до 3 лет (29,6%) или от 3 до 5 лет (31,7%), а каждая пятая — от 5 до 10 лет (22,2%). Это указывает на равномерность вовлечения женщин в проституцию (например, в отличие от середины 1990-х гг., когда на фоне социально-экономического кризиса наблюдался единовременный приток в проституцию значительного количества женщин). Примерно каждая десятая женщина в суммарной выборке является вновь привлеченной в проституцию, т. е. имела стаж менее полугода (5,5%) или от полугода до года (8,5%).

Большинство женщин организуют свою работу в проституции самостоятельно (59,6%), хотя доля тех, кто вовлечен в организованные формы секс-бизнеса, также велика (40,4%). Существенным региональным отличием является более распространенная занятость женщин в Оренбурге в организованных формах проституции (71,4% против 28,6% в Санкт-Петербурге, $p \leq 0,001$).

Еще одним отличием являются тип и степень организации проституции в изученных городах. Так, в Санкт-Петербурге чаще в орга-

низацию вовлечено несколько человек (63,5%). В Оренбурге же в равной степени распространены как устойчиво организованные формы проституции, так и сутенерство, когда организацией занимается один человек (49,1% и 50,9% соответственно, $p \leq 0,01$).

В случаях организации проституции одним человеком в Санкт-Петербурге это чаще мужчина-сутенер (52,8%), а в Оренбурге — женщина-«мамочка» (66,7%). Именно поэтому среди петербургских проституток чаще, по сравнению с оренбургскими, организатор проституции является также и сексуальным партнером (18,1% против 7,1%, $p \leq 0,05$) или товарищем/другом (33,3% против 11,9%, $p \leq 0,001$). Однако чаще всего отношения между организатором и проституткой строятся по принципу «работодатель—наемный работник» (80,8% в суммарной выборке без существенных региональных отличий). Важно, что среди оренбургских организаторов проституции чаще отмечается взаимодействие с правоохранительными органами (65,7% против 31,3% в Санкт-Петербурге, $p \leq 0,001$).

В случае организации проституции несколькими людьми ими в большинстве случаев являются сутенер в Оренбурге (90,1% против 20,8%, $p \leq 0,001$) или диспетчер в Санкт-Петербурге (71,2% против 8,6%, $p \leq 0,001$), а также охрана (54,4%), владелец заведения (50,6%) и другие женщины-проститутки (58,3%). Перечень функциональных ролей, выполняемых организаторами проституции, достаточно широк: диспетчер, водитель, охранник, кассир, уборщица.

Что касается взаимодействия с клиентами, занималась их самостоятельным поиском значительная доля проституток в Санкт-Петербурге (в силу более широкой распространенности самостоятельных форм секс-работы). Так, в течение предшествующего года самостоятельно искали клиентов 74,6% проституток в Санкт-Петербурге против 34,6% в Оренбурге ($p \leq 0,001$). Наиболее часто используемыми способами являются: постоянное пребывание в известных клиентам местах возможного знакомства (84,7%), рекомендации других клиентов (47,4% в Санкт-Петербурге против 62,5% в Оренбурге, $p \leq 0,05$), прямые обращения на улице (48,2% в Санкт-Петербурге против 30,0% в Оренбурге). Кроме того, проститутки в Оренбурге используют рекомендации работников сферы обслуживания (21,3% против 2,0% в Санкт-Петербурге, $p \leq 0,001$). Объявления о секс-услугах в специализированных газетах и журналах, а также в сети Интернет используются незначительно (5,2% и 3,8% соответственно), причем несколько чаще в Санкт-Петербурге.

Аддиктивное поведение проституток

Употребление алкоголя и наркотиков среди проституток традиционно широко распространено, однако обладает существенной региональной спецификой.

Проституток в Санкт-Петербурге можно охарактеризовать как более подверженных систематической алкоголизации в течение жизни (98,5% против 89,6% в Оренбурге; $p \leq 0,001$). Средний возраст первой пробы алкоголя в половине случаев составляет 14–16 лет, но практически у всех он укладывается в границы подросткового периода (от 11–13 до 17–19 лет). Практически все проститутки, имеющие опыт употребления алкоголя в течение жизни, систематически употребляли алкоголь и в течение предшествовавшего года (96,8%).

Паттерны употребления алкоголя имеют ярко выраженную региональную специфику. Так, проститутки в Оренбурге чаще выбирают пиво (85,3% против 29,4% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), крепкие алкогольные напитки (69,1% против 22,7% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$) и вино (66,7% против 33,5% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$). В Санкт-Петербурге проститутки чаще выбирают слабоалкогольные напитки (80,5% против 69,1% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), а также склонны к более частому их употреблению (4–5 раз в неделю; $p \leq 0,001$). В целом, частота употребления алкоголя среди проституток за предшествующий год наиболее высока для слабоалкогольных напитков (до 4–5 раз в неделю) и пива (около 2-х раз в неделю); более низкая — для вина (около 2-х раз в месяц) и крепких алкогольных напитков (от одного раза в месяц в Санкт-Петербурге до одного раза в неделю в Оренбурге; $p \leq 0,01$).

Паттерны наркопотребления также имеют ярко выраженную региональную специфику. Проституток в Санкт-Петербурге отличает большая степень вовлеченности в практику употребления наркотических или других схожих с ними опьяняющих веществ в течение жизни (86,0% против 29,0% в Оренбурге; $p \leq 0,001$).

Среди проституток, имеющих опыт наркопотребления в течение жизни, наиболее частыми являются пробы препаратов конопли (89,5%). В отношении иных видов наркотических веществ проституток в Санкт-Петербурге характеризует склонность к употреблению более широкого круга препаратов — опиатов (80,9% против 29,9% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), стимуляторов (74,8% против 37,3% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), кокаина (54,9% против 13,4% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), галлюциногенов (41,3% против 0,0% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), снотворных

(49,5% против 32,8% в Оренбурге; $p \leq 0,01$) и атропиноподобных препаратов (28,5% против 13,4% в Оренбурге; $p \leq 0,01$).

В то же время проститутки в Оренбурге отличаются более ранним возрастом первой пробы наркотиков: почти у половины это произошло в 11–16 лет (47,8% против 20,6%), в то время как в Санкт-Петербурге — не ранее 17 лет (79,4% против 52,2%; $p \leq 0,001$).

Значительная часть проститутки в Санкт-Петербурге, которые имеют опыт наркопотребления, демонстрируют актуальное употребление наркотических веществ — в течение предшествующего года (94,4% против 59,7% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), месяца (85,7% против 34,3% в Оренбурге; $p \leq 0,001$) и суток (78,0% против 23,9% в Оренбурге; $p \leq 0,001$). Эта же закономерность сохраняется в случае употребления наркотиков при помощи инъекций в течение последних суток (94,6% против 25,0% в Оренбурге; $p \leq 0,001$). По видам актуально употреблявшихся наркотиков оказалось, что среди проститутки в Санкт-Петербурге преобладают опиаты (93,9% против 18,8% в Оренбурге; $p \leq 0,001$), а в Оренбурге — целый ряд других видов наркотиков: препараты конопли (56,3% против 5,4% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), стимуляторы (37,5% против 2,9% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), снотворные препараты (31,3% против 0,4%; $p \leq 0,001$), анальгетики (18,8% против 1,1% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), атропиноподобные препараты (18,8% против 0,2%; $p \leq 0,001$), бытовая химия (12,5% против 0,0% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$), кокаин (12,5% против 2,5% в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,05$).

Потребность в помощи

Как и по многим другим характеристикам, проститутки Санкт-Петербурга и Оренбурга по-разному видят актуальные для них виды помощи. Это, несомненно, является следствием различий в социально-демографических характеристиках и паттернах аддиктивного поведения проститутки, а также особенностей организации проституции в изученных городах.

Особую актуальность для проститутки в обоих городах представляет помощь в лечении заболеваний (несколько чаще в Санкт-Петербурге; $p \leq 0,001$) и меры по обучению правилам поведения для снижения опасности насилия (несколько чаще в Оренбурге; $p \leq 0,01$). Наряду с этим, проститутки в Санкт-Петербурге особо нуждаются в психологической помощи ($p \leq 0,001$), лечении наркозависимости ($p \leq 0,001$)

и алкоголизма ($p \leq 0,001$), а также в юридической помощи ($p \leq 0,001$). Проститутки в Оренбурге указывают на необходимость обеспечения безопасности ($p \leq 0,001$), изменения общественного отношения к проституткам ($p \leq 0,01$) и помощи в решении бытовых проблем ($p \leq 0,05$).

Заключение

В заключение необходимо отметить следующее. Исследование, результаты которого были представлены выше, позволило получить разностороннюю информацию о современном состоянии проституции в двух российских городах — столичном и областном. Оно охватило широкий круг индикаторов, что дает широкие возможности для дополнительного анализа данных.

С точки зрения понимания современной российской проституции, важным результатом является выявленный равномерный приток женщин в проституцию в течение последних десяти лет. Это, очевидно, обусловлено внутренними особенностями феномена, а не внешними причинами, и особенно важно в связи с наличием у большинства проституткок законченного профессионального образования.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о существенных региональных различиях современной женской проституции в стране.

Фактором, определяющим региональную специфику проституции в Санкт-Петербурге, является широкое распространение тяжелого опийного наркопотребления. Именно это определяет формы проституции в городе — более открытые по сравнению с Оренбургом. В частности, широкое распространение имеет уличная проституция, в которой женщины организуют работу самостоятельно. Наркопотребление позволяет говорить о большей степени неблагополучия группы проституткок в Санкт-Петербурге по сравнению с Оренбургом. Оно также обуславливает большую степень криминализации и специфические потребности в помощи (наркологической, юридической).

В Оренбурге региональную специфику проституции определяют социально-экономические факторы, в т. ч. миграция с целью обучения или получения образования. Проституция существует в более латентных и организованных формах (гостиничная, по вызову), в т. ч. под неформальным контролем со стороны правоохранительных органов. Проститутки в Оренбурге более молодые, с более низким уровнем образования и более ранним возрастом начала употребления алкоголя и наркотиков (однако тяжелые формы зависимого поведения здесь не

распространены). Для проституток в Оренбурге также характерно более раннее начало работы в проституции.

С практической точки зрения, исследование дает обширный материал для планирования новых и корректировки существующих мер помощи женщинам, занятым в проституции. Речь идет не только о направлениях помощи (таких как повышение доступности медицинских услуг и наркологической помощи, или мер по снижению уровня виктимности), но и об особенностях организации программ. Так, при реализации программ социального регулирования проституции в Санкт-Петербурге необходимо учитывать высокий уровень аддиктивного поведения при предоставлении услуг и информации. При этом программы могут быть направлены на самих проституток (индивидуально) или сообщество в целом. В Оренбурге же возможным каналом или возможным препятствием распространения информации могут быть организаторы сексуального бизнеса. Соответственно, требуется специальная проработка данной проблемы при реализации программ.

Очевидно, что отличия в характеристиках и поведении проституток определяют отличия в специфических последствиях проституции как на индивидуальном, так и на общественном уровнях (распространенность инфекций, передаваемых половым путем, ВИЧ-инфекции, нежелательных беременностей и пр.). Также уровень социального неблагополучия этой девиантной социальной группы определяет степень доступности медицинских, социальных и иных услуг для ее представителей. Практически существенная информация, полученная в рамках проведения других исследований проблемы или при реализации услуг данной группе, может быть проинтерпретирована с учетом результатов проведенного исследования.